

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Воронятов С. В.

О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур

Посвящается 75-летию со дня рождения Марка Борисовича Щукина

Резюме. Статья является откликом на работы Н. А. Кренке и А. М. Воронцова, посвященные предметам с сарматскими тамгами и антропоморфными изображениями на памятниках позднедьяковской и мощинской культур. В этих работах в качестве территории исхода сарматского культурного импульса рассматривается Верхнедонской регион. Однако некоторые сарматские материалы Поднепровья и материалы постзарубинецких памятников Подесенья позволяют постулировать Днепро-Деснинский путь проникновения элементов среднесарматской культуры в Поочье и Москворечье. В качестве объяснения обстоятельств попадания сарматских тамг и антропоморфных изображений на территорию культур лесной зоны предлагается гипотеза о матримониальных связях между представителями номадической культуры и представителями культур оседлых племен, обычно сопутствующих даннической зависимости последних от кочевников. Оказавшись в архаическом обществе позднедьяковской культуры, сарматские женщины могли повлиять на формирование новых религиозных представлений и различные особенности позднедьяковского культового комплекса.

Ключевые слова: сарматские тамги, антропоморфные изображения, позднедьяковская культура, мощинская культура, миграции, гендерные маркеры.

Voroniatov S. V. To the problem of the appearance of the Sarmatian tamgas and anthropomorphic images in the Late Dyakovo and Moschino cultures areas.

The paper is a response to the works by N. A. Krenke and A. M. Vorontsov, devoted to the objects with the Sarmatian tamgas and anthropomorphic images at the Late Dyakovo and Moschino settlements. According to these works, the Sarmatian influence came from the Upper Don region. However, some Sarmatian materials from the Dnieper region and the materials on the post-Zarubinet settlements of the Desna region show that the elements of the Sarmatian culture could have penetrated to the Oka and Moskva-river regions through the Dnieper-Desna route. The penetration of the Sarmatian tamgas and anthropomorphic images to the forest zone might have been a result of matrimonial ties between the nomads and the sedentary tribes. It is supposed that the Sarmatian women, who had to live in the archaic society of the Late Dyakovo culture, could contribute to the formation of new religious beliefs and other elements of the Late Dyakovo cult complex.

Keywords: Sarmatian tamga, anthropomorphic images, late Dyakovo culture, Moschino culture, migrations, gender markers.

Практически одновременное появление статьи А. М. Воронцова и «сарматского» экскурса в фундаментальной книге Н. А. Кренке (Воронцов 2010: 68–74; Кренке 2011: 89–93) показало актуальность проблемы находок предметов с сарматскими тамгами в культурах лесной зоны, обозначенной автором в ряде докладов и публикаций (Воронятов 2008: 103–109; 2008а: 341–366).

Экскурс Н. А. Кренке под названием «„Сарматский след” в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса» затрагивает проблему более широкую, чем поиск определенной области исхода культурного импульса из кочевого алано-сарматского мира. Обоснованное предположение исследователя о связи сарматских тамг (рис. 1) и антропоморфных изображений на бронзовых накладках и пластинах, характерных для позднедьяковской культуры Подмосковья (рис. 2), ставит вопрос о реконструкции революционных изменений в сложноступных для познания исследователей религиозно-магических представлениях населения Москворечья в первые века н. э.

Статья А. М. Воронцова «Тамги на предметах мощинской культуры», также затрагивая проблему поиска области контакта территорий Поочья с сарматским миром, в большей степени посвящена выяснению места двух предметов с сарматскими тамгами (подвеска из Мощинского клада и пластины с поселения Солодка 1) (рис. 3: 1; 4) в хронологии мощинской культуры и возможности существования их единого культурного контекста.

В настоящей работе мне хотелось бы высказать ряд замечаний и предложений, способных, на мой взгляд, расширить поле возможностей решения проблемы, скорректировать уже сформулированные упомянутыми авторами выводы, а также изложить альтернативную гипотезу обстоятельств попадания сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалы позднедьяковской и мощинской культур.

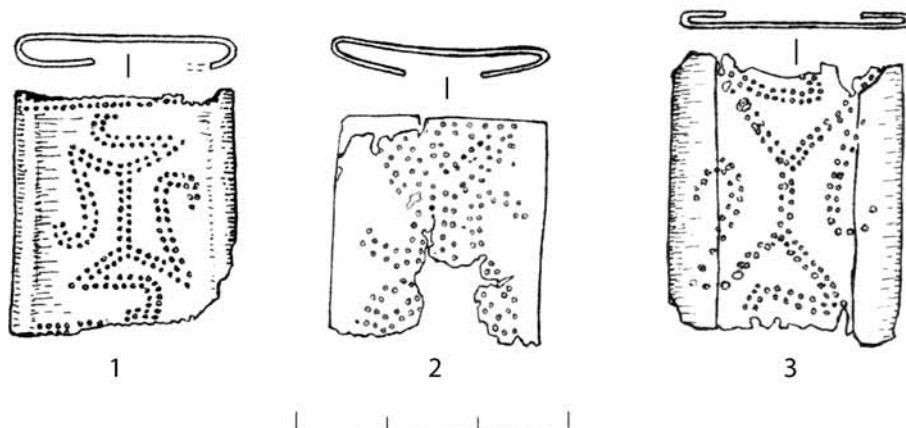

Рис. 1. Пластины с сарматской тамгой: 1 — Дьяково; 2, 3 — Луковня 1 (по Кренке 2011).

Fig. 1. Plaques with the Sarmatian tamga: 1 — Dyakovo; 2, 3 — Lukovnya 1 (after Krenke 2011).

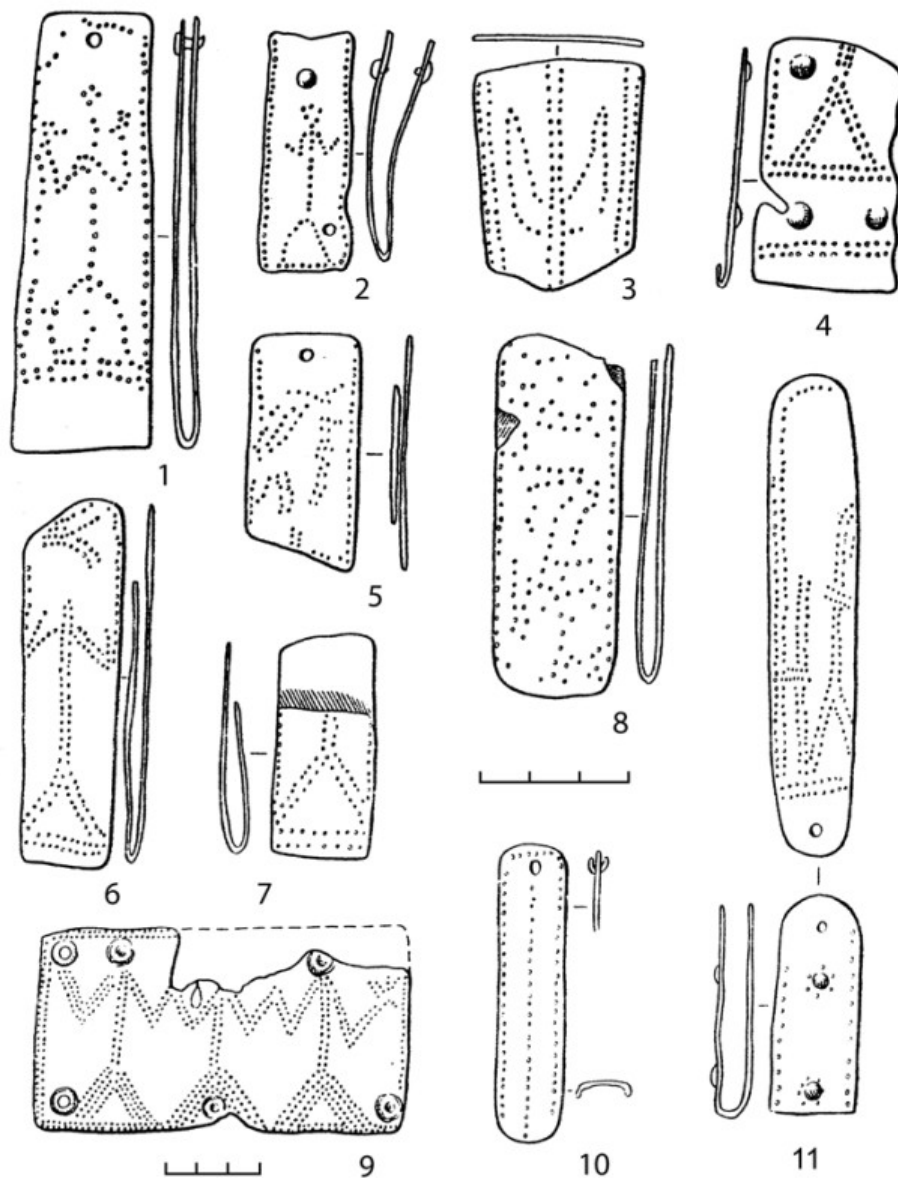

Рис. 2. Наконечники и накладки поясов с позднедыаковских городищ: 1, 3, 4 — Щербинское; 2 — Кунцевское; 5–8, 10, 11 — Троицкое; 9 — Огубское (по Розенфельдт 1980).

Fig. 2. Belt furnishing from late Dyakovo hillforts: 1, 3, 4 — Sherbinskoye; 2 — Kuntsevskoye; 5–8, 10, 11 — Troitskoye; 9 — Ogubskoye (after Rosenfeldt 1980).

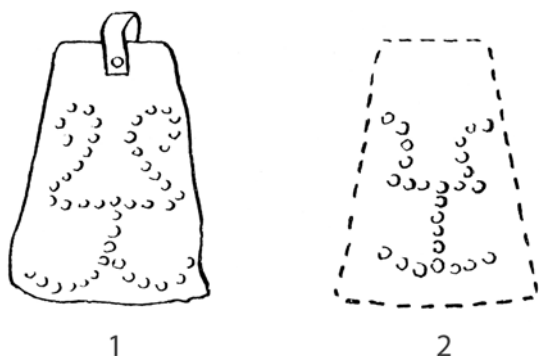

Рис. 3. Подвески с сарматскими тамгами: 1 — Мошчинский клад; 2 — Смела (по Рыбакову 1940, без масштаба).

Fig. 3. Pendants with the Sarmatian tamga: 1 — Moschino treasure; 2 — Smela (after Rybakov 1940, without scale).

Рис. 4. Пластины с поселения Солodka 1 (по Воронцову 2010).

Fig. 4. Plaques from Solodka 1 settlement (after Vorontsov 2010).

Исследуя разнообразные археологические проявления взаимоотношений кочевого и оседлого населения Восточной Европы в римское время, в докладах я неоднократно высказывался по поводу возможности трансформации изображений сарматских тамг в схематичные антропоморфные изображения, характерные для позднедьяковской культуры. Геометрия многих схем сарматских знаков невольно допускает ассоциации с антропоморфными фигурами, и нельзя исключать, что эти ассоциации могли способствовать появлению антропоморфных изображений на бронзовых накладках, нанесенных не чуждым для сарматских древностей способом — набивкой канфарником, как и появившиеся в лесной зоне сарматские знаки (Воронятов 2008: 103–109).

Н. А. Кренке пишет о том, что результаты сбора А. М. Воронцовым подъемного материала (рис. 4) на селище Солodka-1 Щекинского р-на Тульской области рассеивают все сомнения о существовании связи между антропоморфными изображениями и сарматскими тамгами, и предполагает, что бронзовые накладки с данными изображениями попали в Москворечье в результате культурного импульса из сарматского мира. Но при этом он высказывает субъективное возражение против собственной гипотезы. Возражение заключается в том, что «на территории, заселенной сарматами, не было найдено ни одной пластины или накладки с антропоморфными изображениями рассматриваемого типа» (Кренке 2011: 90).

Перед тем как коснуться антропоморфных изображений в сарматском мире, следует сделать одно пояснение. Тамги у кочевников набивались канфарником не только на металлических сосудах, о чем упоминает Н. А. Кренке. Известны и другие предметы с тамгами, изображенными именно этим простым и, видимо, доступным способом, которым могли воспользоваться не подготовленные в металлообрабатывающем ремесле люди. Например, золотая фибула-брошь с тамгой на тыльной, скрытой от наблюдения стороне из раскопок кургана № 48 между станицами Казанской и Тифлисской в Прикубанье (Гущина, Зацецкая 1994: 50, табл. 14: 142) или золотой браслет с тамгами, близкими схеме знака клана царя Инисмея, хранящийся в Британском музее (Симоненко 2006: 15).

Особенно интересными для нашей темы представляются медные обкладки кожаного пояса, найденные между бедренными костями в погребении № 98 некрополя Танаиса (Шелов 1961: 36, таб. XL: 2; Соломоник 1962: 164, рис. 15). На одной из обкладок канфарником набита тамга (рис. 5). Вспомним, что среди бронзовых предметов с антропоморфными изображениями на позднедьяковских памятниках есть предметы, интерпретируемые исследователями как наконечники поясов, а накладки с тамгами с большой долей вероятности также могут оказаться обкладками органических ремешков. По большому счету, находка из некрополя Танаиса является очень близкой аналогией рассматриваемым артефактам позднедьяковской культуры. Отметим также, что неискушенный наблюдатель может допустить интерпретацию изображения знака на этой пластине в качестве схематичного антропоморфного изображения.

Что касается характерных антропоморфных изображений позднедьяковской культуры, то можно привести давно известный археологический материал, который если не снимает высказанного Н. А. Кренке возражения против его собственного вывода, то ощутимо его смягчает. Речь идет о сарматском комплексе первых веков н. э., исследованном еще в XIX в., у с. Липовец Кагарлыкского района современной Киевской области (Simonenko 2008: 68, Taf. 72). В сарматском, по-видимому, женском, погребении с северной ориентацией был обнаружен следующий набор амулетов: раковина каури, камень с отверстием, медная трубочка, бронзовые колокольчик и кольцо с выступами, фаянсовая подвеска, фрагмент бронзового зеркала и, что для нас очень интересно, бронзовая подвеска в виде спаренных ведерок, на каждом из которых знакомым нам способом нанесено антропоморфное изображение (рис. 6). Амулет из спаренных ведерок не является аналогией накладкам или пластинам позднедьяковской культуры, но нельзя не обратить внимания на то, что антропоморфные изображения на сравниваемых предметах при несколько разнящихся деталях иконографии относятся к одному типу. Очень близкой аналогией изображению на липовецкой подвеске является парная композиция на накладке с Дьякова городища (рис. 7: 1).

Комплекс погребения у с. Липовец дает основания говорить о том, что рассматриваемый тип антропоморфных изображений был известен в сарматском мире и, видимо, относился не к профанной области культуры. Поскольку подвеска из спаренных ведерок обнаружена в наборе специфичных амулетов, характерных для женских погребений среднесарматской культуры, то можно

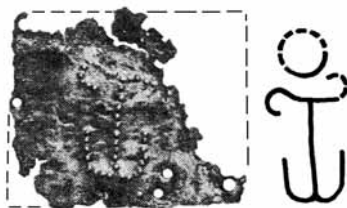

Рис. 5. Обкладка пояса из погребения 98 некрополя Танаиса (по Соломоник 1962, без масштаба).

Fig. 5. Facing of the belt from tomb 98, Tanais (after Solomonik 1962, without scale).

допустить, что если погребенная при жизни и не практиковала некие магические действия, то, по крайней мере, могла носить при себе амулеты в качестве апотропеев. В 1990-е годы С. А. Яценко выделил особую группу женских алано-сарматских погребений первых веков н. э. (Соколова Могила, Чугнуно-Крепинка и др.), которые изобиловали разного рода амулетами. Этим женщинам исследователь отводит роль участниц в общественных обрядах (Яценко 1994: 85, 86). Хотя погребение у с. Липовец не столь яркое, как, например, Соколова Могила, набор амулетов позволяет обратить на него внимание в контексте попыток выделения в сарматском обществе «жреческой касты».

Традиционное отнесение позднедьяковских бронзовых пластин, накладок и наконечников поясов с антропоморфными изображениями к ритуальной сфере культуры (Розенфельдт 1980: 267–271, 1982: 122–124; Кренке 1989: 82, 2011: 89–93) и предполагаемая подобная трактовка подвески из спаренных ведерок в сарматском погребении у с. Липовец позволяют говорить о том, что в северные лесные края рассматриваемый антропоморфный мотив, так же как и изображения сарматских тамг, мог попасть с носителями традиции, осознающими значение и смысл изображений. Там он мог получить развитие, которое мы наблюдаем в характерных для позднедьяковской культуры вещах. Об этом далее.

Перейдем к вопросу о пути проникновения сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареал позднедьяковской и мощинской культур. Н. А. Кренке полагает, что «культура населения Москворечья с конца I в. н. э. и до III в. н. э. испытывала влияние культуры верхнедонского населения, находившегося в подчиненном положении у сарматов» (Кренке 2011: 91). Соответственно, культурные импульсы шли через бассейн Верхнего Дона (рис. 8). А. М. Воронцов также посчитал Верхнее Подонье наиболее близкой к Верхнему Поочью территорией, через контакты с которой мог проникать рассматриваемый «сарматский импульс» (Воронцов 2010: 70). Обоим исследователям мне хотелось бы возразить и привести ряд аргументов, которые позволяют рассматривать, по крайней мере как альтернативный и имеющий право на существование, Днепро-Деснинский маршрут проникновения кочевнических элементов культуры в лесную зону (рис. 8). Чем он на сегодняшний день маркируется?

Во-первых, это уже упомянутый комплекс у с. Липовец в Поднепровье, с пока единственной аналогией антропоморфным изображениям, характерным для позднедьяковской культуры.

Во-вторых, следует вспомнить аналогию, приводимую Б. А. Рыбаковым для подвески с сарматской тамгой из Мощинского клада. Исследователь пишет о находке подвески (рис. 3: 2) со знаком при раскопках А. А. Бобринским

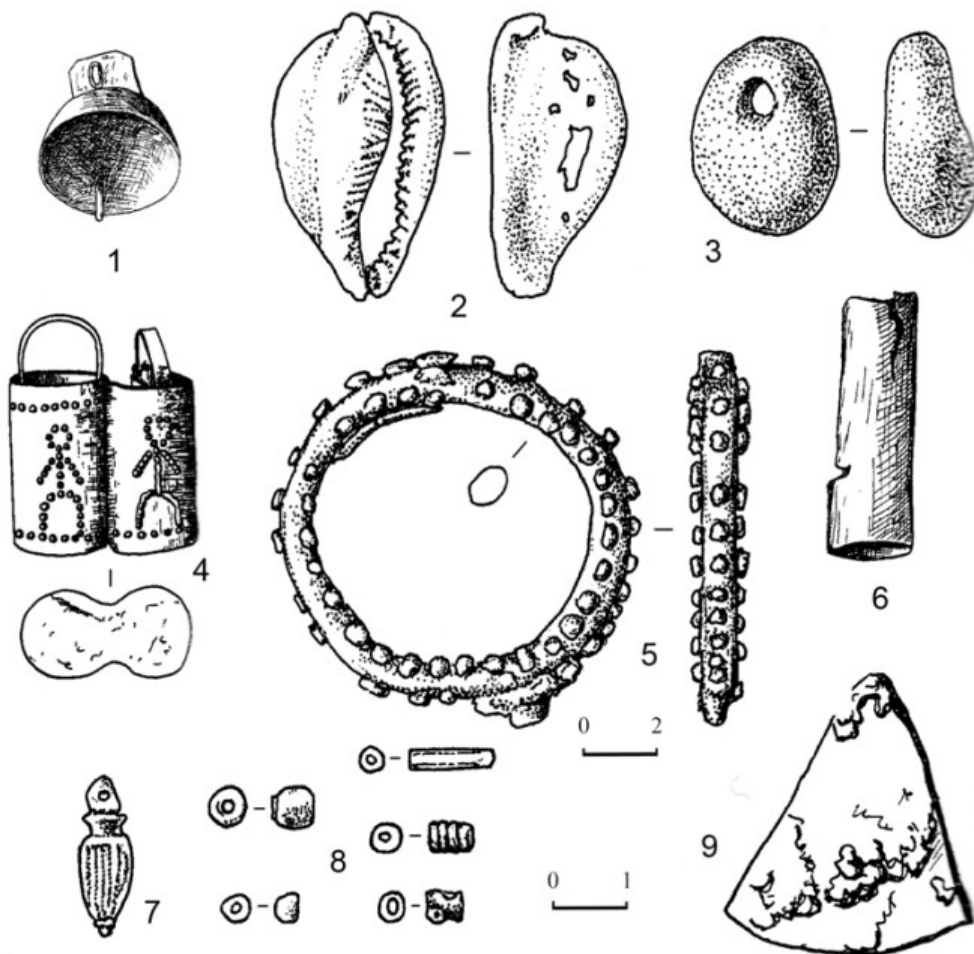

Рис. 6. Набор амулетов из сарматского погребения у с. Липовец: 1 — колокольчик; 2 — раковина каури; 3 — камень с отверстием; 4 — подвеска из спаренных ведерок; 5 — кольцо с шишечками; 6 — трубочка; 7 — фаянсовая подвеска; 8 — бусы и пронизи; 9 — фрагмент зеркала (по Simonenko 2008).

Fig. 6. Set of amulets from a Sarmatian burial near Lipovets: 1 — bell; 2 — cowrie shell; 3 — stone with a hole; 4 — pendant of paired buckets; 5 — ring with knobs; 6 — tube; 7 — faience pendant; 8 — beads; 9 — fragment of a mirror (after Simonenko 2008).

Рис. 7. Антропоморфные изображения: 1 — накладка с Дьякова городища; 2 — подвеска из спаренных ведерок из погребения у с. Липовец (по Кренке 1989 и Simonenko 2008).

Fig. 7. Anthropomorphic images: 1 — overlay from the Dyacovo hillfort; 2 — pendant from paired buckets from the Lipovets burial (after Krenke 1989 and Simonenko 2008).

некоего погребения близ Смелы на правобережье Днепра к югу от Киева¹ (Рыбаков 1940: 234; Третьяков 1953: 215, рис. 46: 6; Кравченко 1999: 96, рис. 2: 23).

В-третьих, между названными днепровскими пунктами и Поочьем существует Почепское селище (вторая половина I — первая половина II в. н. э.) в Брянской области (рис. 8) с довольно яркими сарматскими элементами в материалах, одним из которых является тамгообразный знак на внутренней поверхности дна чернолощеной миски (рис. 9) (Воронятов 2008а: 341–366). Традиция изображения тамг на дне сосудов характерна для алано-сарматов первых веков н. э. и, судя по всему, играла важную роль в ритуальной практике кочевников (Воронятов 2009: 80–98). Следует также упомянуть о необычной для лесной зоны круглой, вероятно, юртообразной постройке, следы которой были обнаружены на Почепском селище (рис. 10: 1). Единственными

приемлемыми аналогиями этой постройке могут служить округлые сооружения (постройки 3 и 5), исследованные на Чертовицком III городище в Верхнем Подонье (рис. 10: 2, 3). В комплексе постройки 3, помимо прочего, были найдены кувшин с тамгой на ручке и сарматская курильница (Медведев 2008: 72, рис. 60, 61).

Перечисленные пункты с важными для нашей темы материалами показывают, что Верхнее Подонье — не единственная область, претендующая на роль исходной территории сарматских импульсов, и заставляют задуматься над формами их связи с памятниками мощинской и позднедьяковской культур. Но об этом далее. Пока же изложу несколько необходимых замечаний по поводу количества памятников с сарматскими тамгами в ареале мощинской культуры и поиска аналогий тамгам с городищ Дьяково, Луковня 1 и поселения Солodka 1.

Перечисляя единичные памятники мощинской культуры с тамгами (городище Мощины и поселение Солodka 1), А. М. Воронцов упускает из виду еще один интересный памятник. Речь идет о Серенском городище в бассейне р. Жиздры (рис. 8), с которого происходит бронзовая пластина (Воронцова 2003: 316, рис. 1, 9) с сарматской тамгой (рис. 11), нанесенной двойной линией набитых канфарником точек (Воронятов 2008: 105). Аналогию этой тамге можно найти среди тамг I–II вв. н. э. на стенах пещеры Ак-Кая в восточнокрымских предгорьях

¹ Следует сказать, что мои попытки найти более подробные сведения о подвеске с тамгой из погребения близ Смелы по ссылке в статье Б. А. Рыбакова (Бобринский 1901) не увенчались успехом. Также не совсем ясно, что обозначают пунктирные контуры на рисунке, опубликованном Б. А. Рыбаковым, и что значит знак вопроса, стоящий в скобках сразу после слова «погребение» в тексте его статьи. Возможно, ссылка дана не совсем корректно.

Рис. 8. Карта памятников, маркирующих Днепро-Деснинский и Донской пути проникновения сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалы позднедыяковской и мощинской культур: 1 — Смела; 2 — Липовец; 3 — Почеп; 4 — Мощины; 5 — Серенск; 6 — Солodka 1; 7 — позднедыяковские городища Москворечья: Дьяково, Луковня 1, Щербинское, Кунцевское, Троицкое и др.; 8 — сарматские памятники лесостепного Подонья: Чертовичские могильники и городище и др.; 9 — Танаис.

Fig. 8. Map of findspots marking the Dnieper-Desna and Don ways of penetration of Sarmatian tamgs and anthropomorphic images into the Late Dyakovo and Moschino culture areas: 1 — Smela; 2 — Lipovets; 3 — Pochev; 4 — Moschino; 5 — Serensk; 6 — Solodka 1; 7 — late Dyakovo hillforts in the Moscow-river region: Dyakovo, Lukonvya 1, Sherbinskoye, Kuntsevskoye, Troitskoye, etc.; 8 — Sarmatian settlements and burials of the forest-steppe Don region: Chertovitsky burial and hillforts, etc.; 9 — Tanais.

(Соломоник 1959: знак № 129 в общ. табл.). Интересно, что в древнейших слоях Серенского городища была обнаружена фаянсовая пронизь в виде лежащего на подставке льва (Никольская 1973: 81–82, рис. 27: 1; Массалитина 1993: 20), аналогичная находке на Почепском селище. По некоторым наблюдениям, эту категорию украшений второй половины I — первой половины II в. н. э., найденных на поселенческих памятниках, можно считать довольно чутким индикатором соприкосновения кочевнического мира с окружающими его оседлыми племенами (Воронятов 2011: 99). И городище Мощины, и городище Серенск достаточно удачно помещаются на северной оконечности Днепро-Деснинского пути проникновения сарматских элементов на север (рис. 8).

Не могу согласиться с А. М. Воронцовым и в том, что знак на пластине с селища Солodka 1 не имеет полных аналогий (Воронцов 2010: 68). Аналогю знаку можно найти на известняковой плите (рис. 12, 13), установленной во II в. н. э. на сооруженном тогда же сарматском кургане, исследованном в 1966 и 1975 гг. у с. Корпач Единецкого р-на Молдавии (Гросу 1979: 250–253, рис. 3: 3; Драчук 1975: таб. III. 106).

Рис. 9. Почепское селище. Чернолощенная миска с тамгообразным знаком на дне.

Fig. 9. Pochev settlement. Bowl with tamga-type sign at the bottom.

Отметим, что этот памятник находится в западной части обширного ареала сарматских знаков Северного Причерноморья и далек от верховьев Дона. Но я не стал бы всерьез опираться на топографию аналогий «северным тамгам» для поиска точек соприкосновения кочевого мира и племен лесостепной и лесной зоны, как это пытаются делать Н. А. Кренке и А. М. Воронцов. Мы имеем

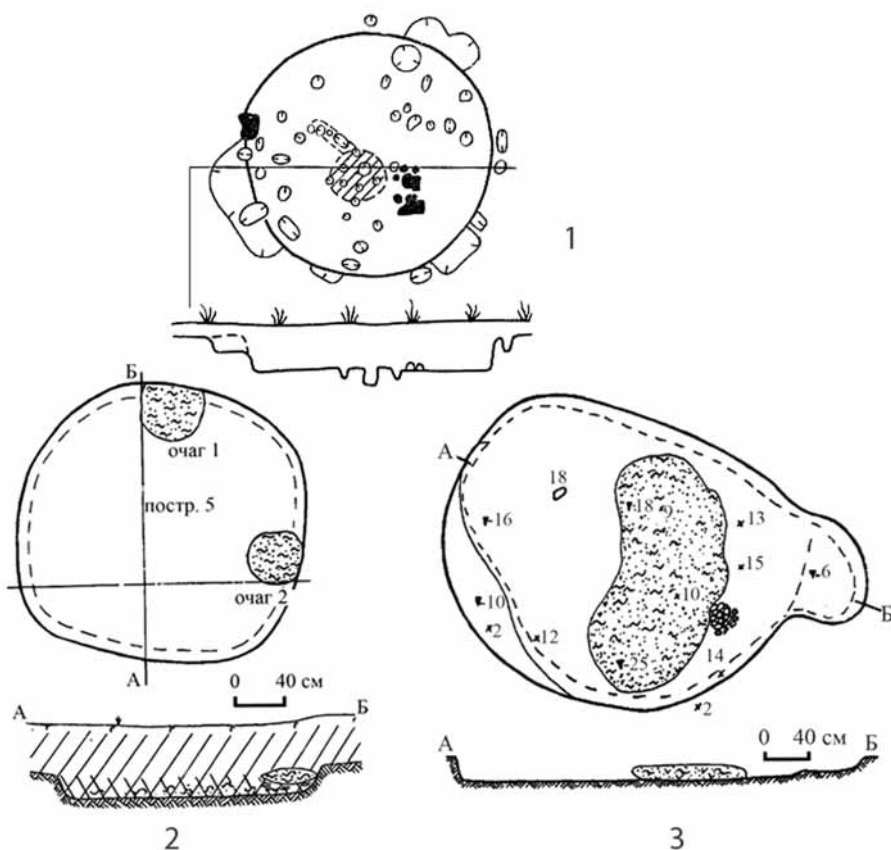

Рис. 10. Остатки юртообразных сооружений: 1 — Почепское селище; 2, 3 — III Чертовичское городище (по Заверняеву 1969 и Медведеву 2008).

Fig. 10. Remains of yurt-like constructions: 1 — Pochev settlement; 2, 3 — Chertovitskoe III hillfort (after Zavernyaev 1969 and Medvedev 2008).

дело с элементами кочевой культуры, представители которой были очень мобильны. Перемещение групп номадов или их отдельных представителей в широтном и меридиональном направлениях не являлось особенно затруднительным предприятием и не отнимало очень много времени. Изображения тамг, используемые кочевниками одного клана, путешествовали вместе с ними и могли выпадать из живой культуры в очень отдаленных друг от друга районах евразийских степей (см. напр. Воронятов 2012: 427, рис. 3). Поэтому надежные выводы о связях каких-либо географических областей по топографии отдельных типов тамг могут базироваться только на презентабельной выборке материала (Яценко 2001: 31–44; Яценко, Добжаньска 2012: 275–282). В нашем случае большой удачей является уже то, что знакам на единичных предметах

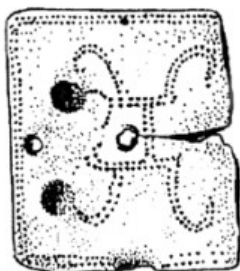

Рис. 11. Пластина с городища Серенск (по Воронцовой 2003, без масштаба).

Fig. 11. Plaque from the Serensk hillfort (after Vorontsova 2003, without scale).

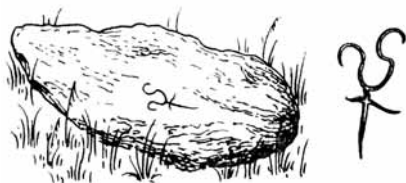

Рис. 12. Известняковая плита с сарматской тамгой у с. Корпач (по Гросу 1979, без масштаба).

Fig. 12. Limestone slab with the Sarmatian tamga near the Korpach settlement (after Grosu 1979, without scale).

Рис. 13. Сравнение тамг: 1 — Солodka 1; 2 — Корпач.

Fig. 13. Comparison of tamgas. 1 — Solodka 1; 2 — Korpach.

с памятников лесной зоны находятся южные аналогии, позволяющие уверенно говорить о том, что они являются именно сарматскими тамгами, а не чем-то иным.

По поводу аналогий, приводимых Н. А. Кренке для знаков на накладках с городищ Дьяково и Луковня 1 (рис. 1), следует сказать, что не все они абсолютно приемлемы. Исследователь отождествляет «позднедьяковские» знаки с тамгой клана боспорского царя Аспурга (11/14–37 гг. н. э.), что не совсем верно, поскольку, имея близкую схему, эти знаки отличаются существенными деталями — загнутыми, переходящими в завиток окончаниями всех четырех свастических ответвлений (рис. 1, 14: 1, 2). Этим обстоятельством нельзя пренебречь. Тамга Аспурга — одна из немногих имеющих надежную фиксацию в нумизматическом материале (Карышковский 1973: 15, 16), в котором, насколько я знаю, не отмечены отклонения от известной схемы. Сравнимые Н. А. Кренке знаки могли принадлежать родственным кланам, активно использующим свои тамги в I — начале II в. н. э. Единственно безупречной аналогией «позднедьяковским» тамгам следует считать также привлекаемый Н. А. Кренке знак на скале у с. Уйташ в Дагестане (рис. 14: 3).

Перейдем к проблеме обстоятельств попадания антропоморфных изображений и изображений сарматских тамг в ареалы мощинской и позднедьяковской культур. Как решают эту проблему исследователи?

А. М. Воронцов предполагает, что между Верхним Поочьем и наиболее близким к нему регионом с сарматскими памятниками — Верхним Подоньем — осуществлялись непосредственные этнокультурные контакты в форме союзов с сарматами или зависимости от них, послужившие причиной и способом появления на мощинских памятниках изображений сарматских тамг. Исследователь в качестве аналогии реконструируемым контактам приводит результаты собственной работы, выявившей участие населения лесостепного Подонья в формировании

традиций памятников типа Ново-Клейменово (II рубеж или первая половина III в. н. э.), якобы предшествовавших мощинской культуре на Окско-Донском водоразделе (Воронцов 2010: 70).

Разбираясь в данном построении, необходимо упомянуть критические отзывы на реконструируемые связи памятников типа Ново-Клейменово с верхнедонскими могильниками и городищами позднесарматского времени. А. П. Медведева в констатации этих связей смутило отсутствие на памятниках типа Ново-Клейменово собственно сарматских материалов (Медведев 2008: 79). Н. А. Кренке пишет о существенных различиях керамических комплексов верхнедонского населения и обитателей территории Окско-Донского водораздела, оставивших памятники типа Ново-Клейменово (Кренке 2011: 89), на сравнение которых в своей гипотезе опирается А. М. Воронцов.

Асинхронными остаются датировки предметов с тамгами и антропоморфными изображениями в мощинской и позднедьяковской культурах. Н. А. Кренке пишет, что эти вещи в позднедьяковских древностях синхронизируются с периодом бытования украшений круга выемчатых эмалей, т. е. это II —

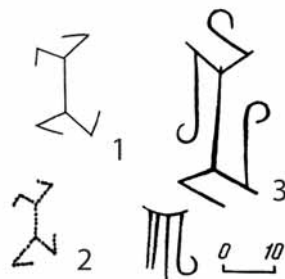

Рис. 14. Тамги царя Аспурга на сосудах (1, 2) и тамги на скале у с. Уйташ (3) (по Марковин 1970).

Fig. 14. Vessels with King Aspurg's tamgas (1, 2) and tamga on the rock near Uitash (3) (after Markovin 1970).

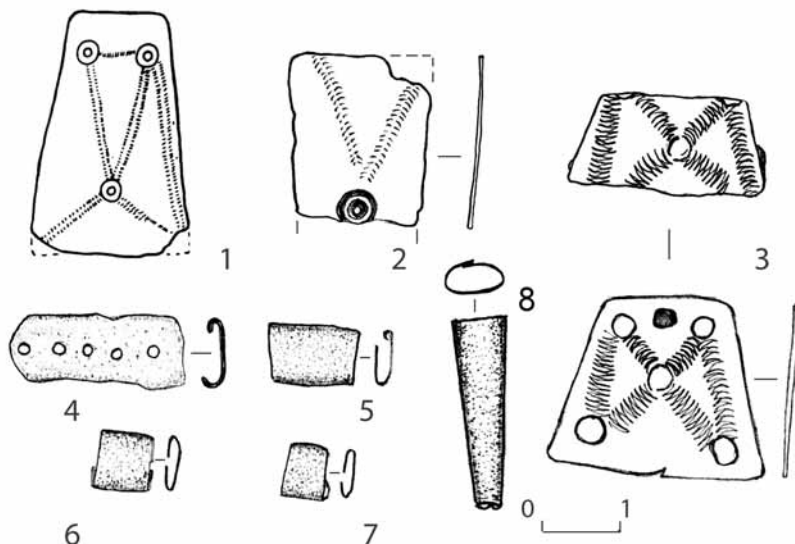

Рис. 15. Поясные накладки и пластины с чеканным и тремоло орнаментом: 1 — Троицкое городище (по Смирнов 1974); 2–8 — Почепское селище.

Fig. 15. Facings of belts and plaques with embossed and tremolo designs: 1 — Troitskoye hillfort (after Smirnov 1974); 2–8 — Pochep settlement.

начало IV в. н. э., и склоняется к ранней части этого интервала (Кренке 2011: 91). А. М. Воронцов для датировки предметов с тамгами на мощинских памятниках, напротив, исключает II в. н. э. и пишет о середине — второй половине III в. н. э. (Воронцов 2010: 69). Что это значит? Что изделия круга выемчатых эмалей и предметы с тамгами в двух культурах бытовали в разное время? Или кто-то из исследователей ошибается? Учитывая богатый арсенал методов датирования Дьякова городища (Кренке, Сулержицкий 2011: 137–147), сомнительно, что ошибается Н. А. Кренке.

В данном случае важно отметить, что на памятниках типа Ново-Клейменово (II рубеж или первая половина III вв. н. э.) не обнаружено ни изделий круга выемчатых эмалей, ни сарматских тамг. Это обстоятельство не стыкуется с тем, что на территории Москворечья, более удаленной от сарматского мира, предметы с тамгами, обнаруженные в «горизонте эмалей» в это же время, уже есть. Нужно как-то выходить из этого противоречия.

В построении А. М. Воронцова относительно контактов мощинской культуры с сарматским миром удивляет осязательный крен в сторону верхнедонских материалов. Его можно объяснить только желанием автора пойти простым и близким, в буквальном смысле, путем. Если все же не руководствоваться этим соблазнительным желанием, то можно обнаружить, что есть более логичный, но, видимо, неубедительный для А. М. Воронцова путь, аргументацию которого я неоднократно озвучивал в докладах и статьях (Гавритухин, Обломский 2008: 182; Воронятов 2008а: 350–352). Речь идет о географической и культурной связи памятников типа Почепа в Подесенье и памятников мощинской культуры в Поочье. Рассматривая тамги на предметах мощинской культуры, логично обратиться к работам, посвященным происхождению и связям этой культуры.

Мнение о том, что на формирование керамического комплекса мощинской культуры существенное влияние оказала деснинская группа постзарубинецких памятников, высказывалось и аргументировалось неоднократно (Третьяков 1966: 235; Массалитина 1993: 48). По собственной работе с материалами Почепского селища могу сказать, что близость керамических комплексов обсуждаемых групп памятников фиксируется по одному типу лощеной керамики — ребристым мискам, верхняя часть которых имеет вид раструба, расширяющегося кверху. Именно этот тип лощеной керамики является самым многочисленным на городище и селище Мощины и на Почепском селище (Массалитина 1993: 47; Воронятов 2007: 38, рис. 18). Одной из последних работ, посвященных выявленным соотношениям, является статья А. М. Воронцова о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры, заключительный вывод которой сформулирован следующим образом: «Данный керамический комплекс имеет прямую генетическую связь с комплексом почепской культуры» (Воронцов 2002: 22).

Я уже высказывался по поводу того, что самый исследованный памятник постзарубинецкой группы в Подесенье — Почепское селище — является по своим материалам уникальным примером стыка этнокультурных традиций на одном поселенческом памятнике, потенциал которого в этой непростой теме сравним разве что с потенциалом синхронного могильника Гриневичи Вельки в Подлясье (Andrzejowski 1999: 17–59). Одной из таких этнокультурных традиций является сарматская, выраженная рядом находок и одним объектом.

Таким образом, сарматские тамги, зафиксированные на предметах мощинской культуры, могли попасть в ее ареал из Поднепровья через памятники типа Почепа в Подесенье.

По такому же направлению тамги и мотив антропоморфных изображений могли проникать и далее, в ареал позднедьяковской культуры Москворечья. О том, что почепский керамический комплекс мог оказать влияние и на формирующийся позднедьяковский комплекс, в частности, в появлении традиции лощения керамики, также писали (Третьяков 1966: 235; Розенфельдт 1974: 177). Но сегодня эти взгляды пересмотрены. Н. А. Кренке пишет о том, что существенные изменения в материальной культуре населения Москворечья на рубеже эр в большей степени объясняются резким технологическим прогрессом, а распространение во II–III вв. н. э. лощеной керамики, скорее всего, нужно связывать с культурным импульсом, исходившим из северной периферии сарматского мира, а конкретно — с территории Верхнего Подонья (Кренке 2011: 222, 223).

Согласиться с тем, что культурное влияние в Москворечье в первые века н. э. шло только из верхнедонского региона, я не могу. Есть некоторые, более конкретные и значимые, чем традиция лощения керамики, параллели в позднедьяковских и почепских материалах, которые следует учитывать. На Почепском селище, например, также были обнаружены бронзовые обкладки органических ремешков, на одной из которых есть орнаментальный мотив в виде нескольких точек, набитых канфарником (рис. 15: 4–8). Одна из обкладок была сделана из трапециевидной подвески с тремоло-орнаментом (рис. 15: 3). Она, вместе с бронзовой пластиной с чеканным концентрическим кругом и также тремоло-орнаментом (рис. 15: 2), является аналогией пластине, происходящей с Троицкого городища Подмосковья (рис. 15: 1) (Смирнов 1974: 51, табл. VI: 12). В свою очередь, эти вещи имеют аналогии среди инвентаря 11 и 14 погребений могильника Гриневици Вельки в Подлясье (Szmit 1922: rys. 56–80. 62; Andrzejowski 1999: 20, 21, rys. 6: 5). Привлеченные почепские предметы представляют западную этнокультурную традицию в Подесенье. И именно через них, но далеко не только через них, фиксируется связь почепских и позднедьяковских древностей.

Излагая свой вывод-гипотезу о влиянии культуры верхнедонского населения, находящегося в подчиненном положении у сарматов, Н. А. Кренке не рискует предложить какие-либо конкретные формы этого влияния. Довольно осторожно и обтекаемо, что справедливо, исследователь пишет об отдельных, но весьма существенных «проникновениях» элементов сарматской сакральной культуры на территорию бассейна Москва-реки. Эти контакты в сакральной сфере повлияли на формирование «позднедьяковского культового комплекса», материально выраженного не только накладками с сарматскими тамгами и пластинами с антропоморфными изображениями, но и характерной глиняной пластикой — статуэтками и табличками (Кренке 2011: 91).

Нисколько не настаивая на «монополии» Днепро-Деснинского вектора сарматских проникновений и допуская, как альтернативное, Донское направление, которое могло функционировать синхронно с Днепро-Деснинским, я попытаюсь найти некоторые зацепки в находящемся в нашем распоряжении материале, которые позволили бы говорить о более определенных моделях

взаимодействия между населением ареалов мощинской и позднедьяковской культур и представителями алаано-сарматского мира.

На что можно опереться в решении поставленной задачи? Мне кажется важным в данном случае обратить внимание на гендерные характеристики вещей и комплексов, о которых мы говорим.

Безусловно, сказать определенно, кто — женщины или мужчины — использовал накладки и пластины с тамгами и антропоморфными изображениями, нельзя. Подавляющее большинство материала найдено в слоях городищ и кладах. Погребальными памятниками мы почти не располагаем. Но есть несколько вещей и комплексов, указывающих на то, что рассматриваемые предметы бытовали в женской субкультуре:

1. Подвеска с тамгой из Мощинского клада (рис. 3: 1). Традиционно, в кладах украшений круга выемчатых эмалей присутствуют предметы, принадлежащие одному или нескольким женским уборам (Фурасьев 2001: 32). Подвеска с тамгой, наряду с другими трапециевидными подвесками клада, скорее всего, относилась к одному из женских уборов. Укрепить это предположение могут реконструкции женского убора как по материалам Межигорского «эмалевого» клада, так и по материалам раннесредневекового клада в Гапоново, в которых были обнаружены крупные пластинчатые, в том числе трапециевидные, подвески. В. Е. Родинкова отмечает, что «эмалевые» клады «демонстрируют чрезвычайную близость раннесредневековым днепровским кладам, как по категориальному составу, так и по типологическим характеристикам отдельных предметов» (Родинкова 2007: 367, 375, 386).

2. Единственная пластина с антропоморфным изображением в погребальном комплексе была найдена за пределами ареалов позднедьяковской и мощинской культур — в женском погребении 72 могильника Кораблино культуры рязано-окских могильников (Белоцерковская 2000: 101, 105, рис. 2: 12; Кренке 2011: 91).

3. Пластина с антропоморфным изображением (рис. 2: 6) из клада Троицкого городища (Дубынин 1964: 190). Большинство вещей клада, если не все, можно отнести к предметам женского убора.

4. Подвеска-амулет в виде сдвоенных ведерок с антропоморфными изображениями (рис. 7: 2) из сарматского захоронения у с. Липовец в Среднем Поднепровье, судя по набору инвентаря, сопровождала погребенную женщину. Для примера можно привести несколько женских сарматских комплексов с подобными амулетами из Подонья (Медведев 2008: 172, 184, рис. 21, 33, 48).

К сожалению, отсутствует половозрастное определение погребения № 98 некрополя Танаиса, в котором была найдена поясная обкладка с тамгой (рис. 5). Кроме деталей пояса в этом захоронении ничего не обнаружено (Шелов 1961: 36), и однозначно сказать, кто именно — мужчина или женщина — погребен в этой могиле, нельзя.

Пожалуй, на сегодняшний день только четыре перечисленных случая дают нам определенный гендерный маркер, и он оказывается женским. Четыре случая — это немного, но это все, чем мы располагаем, и важно отметить, что пока неизвестны случаи находок «мужского контекста».

С определенной долей осторожности я предположу, что, вероятнее всего, накладки и пластины с тамгами и антропоморфными изображениями являются

деталью именно женского костюма. Это предположение допускает, что элементы сакральной культуры в ареалы позднедьяковской и мощинской культур привнесли и, возможно, развили сарматские женщины. С. А. Яценко среди вариантов случайных обстоятельств попадания сарматских знаков на «чуждую» территорию, наряду с вариантами трофеев или даров предметов с тамгами, допускает попадание их с женщинами (Яценко 2001: 33) при матримониальных связях представителей соседствующих или удаленных друг от друга кланов или племен. По поводу тамги на бронзовой подвеске из женских украшений Мощинского клада Калужской области (рис. 3: 1) исследователь даже делает предположение, что она «принадлежит знатной сарматке, выданной замуж в эти края» (Яценко 2001: 70).

Тонкости конкретных обстоятельств попадания сарматских женщин в инокультурную среду оседлых племен мощинской и позднедьяковских культур нам трудно реконструировать. Лишь в рамках современных теоретических разработок, базирующихся на этнографических и письменных источниках (Хазанов 2008; Крадин 1999: 315–335; Барфилд 2009), мы можем предполагать, что сарматские племена должны были каким-то образом строить свои отношения с окружающим их миром. Для первых веков н. э. ряд письменных источников свидетельствует о том, что зона доминирования аланов на севере простиралась вплоть до верхнего течения Днепра (Мачинский 2008). Оседлые лесостепные и лесные племена на северной границе кочевого мира часто оказывались в зависимости от кочевников. Матримониальные отношения, сопутствовавшие даннической зависимости и служившие гарантом ее стабильности и продолжительности, могли быть причиной попадания женщин из кочевнических обществ на территорию оседлых племен.

Для нашей темы интересно то, что и в Поднепровье, и в Подонье на конкретных археологических материалах первых веков н. э. реконструируются особенности взаимоотношений оседлого и кочевого населения.

Характеризуя ситуацию в Верхнем Подонье, А. П. Медведев пишет о межэтнической интеграции пришлого сарматского и автохтонного лесостепного населения, которая археологически отразилась в нескольких формах: рядом с лесостепными городищами исследованы большие курганные могильники сарматов; на самих городищах открыты следы юртообразных жилищ (рис. 10: 2, 3); в сарматских могильниках обнаружены женские захоронения с типами керамики, характерными для оседлого населения. Последнее обстоятельство позволило говорить о том, что «погребения с лепной посудой местного производства принадлежали представительницам коренного населения, включенным в сарматские семейно-родовые группы в результате брачных контактов» (Медведев 2010: 142).

Результатом взаимоотношений кочевников и оседлого населения в Среднем Поднепровье в середине I в. н. э. явилось прекращение функционирования могильников зарубинецкой культуры, запустение городищ и смена топографии поселений, переселение (возможно принудительное) части местного населения в Южнобужский регион. Также следует отметить, что в это время в Поднепровье и в Южном Побужье начинают функционировать металлургические центры (Лютетж, Умань I, II), объемы производства которых существенно перекрывают потребности местного населения. Появление этих центров,

скорее всего, можно отнести на счет активности сарматов, вынудивших местное население поставлять для собственных нужд металлургическое сырье, т. е. выплачивать дань (Воронятов, Еременко 2006: 88–93; Воронятов 2009а: 57–60).

Все это могло сопровождаться матримониальными связями между номадами и зависимым оседлым населением. К примеру, в Подолии известно одиночное женское сарматское захоронение в с. Могильно, удаленное от каких-либо сарматских некрополей (Сымонович 1966: 114–116). Оно находится недалеко от упомянутых памятников со следами металлургического производства — Умань I, II. Не исключено, что это погребение принадлежало сарматской женщине, оказавшейся в инокультурной среде и похороненной по обычаю своего племени, т. е. с использованием обряда ингумации, отличавшегося от традиции оседлого населения, практикующего кремацию.

Возможно, постзарубинецкая миграция в Подесенье была осуществлена тогда, когда постзарубинецкое население Среднего Полнепровья находилось в состоянии описанной зависимости (вторая половина I в. н. э.). По сути, могло быть совершено бегство на Десну в поисках новых мест поселений и независимости от номадов. Сарматские женщины, невольно вовлеченные в эту миграцию, привнесли в Подесенье традиции кочевнической культуры, нашедшие отражение в материалах Почепского селища.

Следующим этапом (II в. н. э.) продвижения элементов женской сарматской субкультуры следует считать формирование мощинской культуры в Поочье и революционные изменения в позднедьяковской культуре Подмосковья. Причины и механизмы сдвига постзарубинецкого населения из Подесенья мы не знаем. Этот вопрос ждет своего исследования. Можно лишь догадываться, что он напрямую связан с распространением на огромных пространствах Поднепровья, Подесенья и Поочья изделий круга выемчатых эмалей и кристаллизацией памятников так называемого киевского типа в Поднепровье. Разработок, убедительно связывавших бы все эти явления, пока нет.

По материалам с сарматскими тамгами в ареалах мощинской и позднедьяковской культур можно предполагать, что сарматские женщины и, возможно, их потомки (?) заняли в изначально чуждых для себя обществах важные позиции и серьезно влияли на представления местного населения в культовой сфере. Память о собственном происхождении могла у них выразиться в изображении сарматских тамг, воплощавших фарн рода, к которому они оставались причастны. По скрытости от взглядов изображений тамг на накладках с городищ Дьяково и Луковня 1 (Кренке 2011: 90) следует сделать вывод, что осознание своего особого происхождения для сарматских женщин играло большую роль.

Распространение же и вариации атрибутов культового комплекса — антропоморфных изображений и глиняной пластики — видимо, было результатом внедрения и развития сарматскими «жрицами» неких религиозных представлений, которые нашли благодатную почву в переживавшем колоссальные перемены позднедьяковском обществе, спровоцированные, по моему мнению, отнюдь не этнической консолидацией населения и резким технологическим прогрессом (Кренке 2011: 222–224), а сложной и неизученной пока цепочкой событий II в. н. э., вызвавших перемещение населения в Подесенье и Поочье, формирование мощинской культуры и памятников киевского типа.

В заключение добавлю, что гипотеза «сарматских жен» достаточно убедительно объясняет сохранение самобытности культуры москворецких городищ и не требует изобретения некоего «культурного барьера» (Кренке 2011: 91), непроницаемого для многих других элементов сарматской культуры, которые, в отличие от сарматских тамг и антропоморфных изображений, в результате «сарматских культурных импульсов» так и не появились в Москворечье и Поочье.

Литература

- Барфилд Т.* 2009. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. 1757 г. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История.
- Белоцерковская И. В.* 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Белоцерковская И. В. (ред.). Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: ГИМ, 99–108.
- Бобринский А.* 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб.
- Воронцова М. А.* 2003. Украшения с точечным орнаментом с памятников первой половины I тыс. н. э. на территории Тульской области // Наумов А. Н. (ред.). Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула: Власта, 311–318.
- Воронцов А. М.* 2002. К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья 4, 16–22.
- Воронцов А. М.* 2010. Тамги на предметах мощинской культуры // Воронцов А. М., Гавритухин И. О. (ред.). Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 68–74.
- Воронятов С. В.* 2007. Почепские древности в системе формирования постзарубинецких культурных групп. Дипломная работа на кафедре археологии СПбГУ. СПб. (рукопись).
- Воронятов С. В.* 2008. Сарматские тамги на памятниках лесной зоны России. Случайность или неизвестная закономерность? // Савинов Д. Г. (ред.). Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 103–109.
- Воронятов С. В.* 2008а. Ромб с крючками — сарматский след // Наумов А. Н. (ред.). Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 341–365.
- Воронятов С. В.* 2009. О функции сарматских тамг на сосудах // Фурасьев А. Г. (ред.). Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 80–89.
- Воронятов С. В.* 2009а. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения // Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Раев Б. А. (ред.). Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 57–60.
- Воронятов С. В.* 2011. Египетский фаянс на поселенческих памятниках северной периферии античного мира // НАВ 12, 95–104.
- Воронятов С. В.* 2012. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото,

- конь и человек. Сборник к 60-летию А. В. Симоненко. Киев.: Издательский дом «Скиф». 417–431.
- Воронятов С. В., Еременко В. Е. 2006. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации // Савинов Д. Г. (ред.). Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 88–93.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. 2008. Семинар «Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний» // РА 1, 181–183.
- Гросу В. И. 1979. Сарматский курган у с. Корпач // СА 2, 250–255.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фанн.
- Драчук В. С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
- Дубынин А. Ф. 1964. Троицкое городище Подмосковья // СА 1, 178–198.
- Заверняев Ф. М. 1969. Почепское селище // МИА 160, 88–118.
- Карышковский П. О. 1973. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 15–16.
- Кравченко Н. М. 1999. Обухівський камінь з петрогліфами // Терпиловський Р. В. (ред.). Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. э. Київ; Львів, 94–105.
- Крадин Н. Н. 2000. Кочевники, мир–империи и социальная эволюция // Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 315–335.
- Кренке Н. А. 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА 2, 79–87.
- Кренке Н. А. 2011. «Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москва-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 89–93.
- Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д. 2011. Хронология Дьякова городища по археологическим и радиоуглеродным данным // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москва-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 137–147.
- Марковин В. И. 1970. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА 124, 95–98.
- Массалитина Г. А. 1993. Древнейший слой городища Серенск // Ларин А. К. (ред.). Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга: Калужский областной краеведческий музей, 19–20.
- Массалитина Г. А. 1993а. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА 208, 46–52.
- Мачинский Д. А. 2008. О прародине славян в I–IV вв. и об этносоциуме *рус/rōs* в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского Географа») // Истоки славянства и Руси. Девятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История.
- Медведев А. П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус.
- Медведев А. П. 2010. О формах зависимости в ранних сарматских обществах первых веков нашей эры // НАВ 11, 140–146.
- Никольская Т. Н. 1973. Раскопки Серенского городища в 1969 году // КСИА 135, 80–85.
- Родинкова В. Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Гавритухин И. О., Лопатин Н. В.,

- Обломский А. М. (ред.). Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.: ИА РАН, 358–388.
- Розенфельдт И. Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 90–196.
- Розенфельдт И. Г. 1980. Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ // СА 1, 267–271.
- Розенфельдт И. Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука.
- Рыбаков Б. А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА VI, 227–257.
- Симоненко А. 2006. Перстень царя Инисмея // Мир древности. Симферополь: Новая эра, 10–15.
- Смирнов К. А. 1974. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука, 7–89.
- Соломоник Э. И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.: АН УССР.
- Соломоник Э. И. 1962. Нові пам'ятки з сарматськими знаками // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XI. Київ: Академія УРСР, 158–168.
- Сымонович Э. А. 1966. Погребение I–II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии // КСИА 107, 114–116.
- Третьяков П. Н. 1953. Восточнославянские племена. М.: АН СССР.
- Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л.: Наука.
- Фурасьев А. Г. 2001. Половозрастные наборы украшений круга варварских выемчатых эмалей // Алексеев А. Ю. (ред.). Отделу Археологии 70 лет. СПб.: ГЭ, 29–34.
- Хазанов А. М. 2008. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Шелов Д. Б. 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА 98).
- Яценко С. А. 1994. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. I — сер. II вв. н. э. // Дмитриева Т. Н., Хршановский В. А. (ред.). Вещь в контексте культуры. СПб.: ИИМК РАН, 85–86.
- Яценко С. А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература.
- Яценко С. А., Добжаньская Г. 2012. Германские парадные копья II–III вв. н. э. с сарматскими знаками // Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. (ред.). Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гуциной. М.: ГИМ, 275–282.
- Andrzejowski J. 1999. Hrzniewicze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Andrzejowski J. (red.). Comhlan. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin. Warszawa, 17–59.
- Simonenko A. V. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz: Zabern.
- Szmit Z. 1922. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego // Wiadomości Archeologiczne VII, 107–120.